

Иван Микиртумов

КАК (НЕ) БЫТЬ СМЕШНЫМ

**(Авторская версия статьи, опубликованной «Republic»
<https://republic.ru/posts/89479>)**

Дискуссия о великом и смешном, приличном и не очень, бодро начатая в связи с блестящим сатирическим кино-комиксом Армандо Ианнуччи «Похороны Сталина», распространилась на детские книжки. Это и понятно, – со времён незабвенного Павла Астахова детская тема приобрела важность для государственного сознания архетипическую, сопоставимую с предназначенным для явных манифестаций респектабельным антиамериканизмом и экзотическим по нынешним временам антисемитизмом, который отдельным активистам приходится не без труда сдерживать. Помнится, ещё Остап Бендер в одной из своих комбинаций возглашал: «Поможем детям!», – так что детская тема, что ни говори, – это классика. Стремительный бросок защитников чувств и духовности от усов из фильма Ианнуччи к потерянному глазу из стихотворения Игоря Иртенева делает актуальным вопрос о смешном. И ситуация, в которой мы в связи с этим находимся, надо признать, тоже скорее смешная, нежели трагическая. В этом обнаруживается существенное различие со случаем «Charlie Hebdo», когда вопрос о праве смеяться говорить и смеяться рисовать отодвинул вопрос о природе смешного в сторону. Итак, несколько слов о том, как быть и как не быть смешным.

1. Смех как возвышение над злом

Смех вызывают разные причины и обстоятельства, воздействующие, как сказал бы Аристотель, на смеющуюся часть человеческой души, благодаря существованию которой мы и способны, по мысли Философа, смеяться. На одном конце ряда таких причин мы видим щекотку, вызывающую смех здоровый, но социально не значимый, а на другом – смех сквозь слёзы, для кого-то не вполне естественный в силу кажущейся несовместимости состояний, вызывающих эти аффекты. Поскольку науки пока не сильно преуспели в анализе сознания, можно следовать за Аристотелем и рассматривать смех в двух его основных аспектах, а именно, как выражение нашего счастливого состояния, т. е. как ликование, а также как радостную реакцию на ситуации, в которых опасные, вредные, неприятных или несимпатичные нам люди, явления, процессы, качества, отношения и т. п. оказываются слабыми или несостоятельными, терпят в чём-либо неудачу, допускают промахи и ошибки, обманываются в своих чаяниях. Смеющиеся люди – это всегда потенциальные жертвы, которые, во-первых, избежали зла, во-вторых, пользуются случаем и возвышаются теперь над его неудачливыми агентами. Само зло и опасность зла направлены на нас и всегда серьёзны, последовательны и неотвратимы в своих намерениях повредить, поэтому универсальная эстетика смешного предполагает картину неожиданного, внезапного и ощутительного провала серьёзности, последовательности и неотвратимости как таковых. Значит ли это, что серьёзность и последовательность, проявляемые на путях добра и истины тоже могут быть смешными? Выбор людьми адекватных целей также составляет предмет для смеха, но то, как те или иные цели достигаются, оценивается отдельно. Видимо, происходит это потому, что мы сначала имеем дело с действиями, и лишь

потом с их результатами, относительно которых лишь по их получении становится возможным сказать, хороши они или плохи.

2. Комедия человеческих положений: чистый смех по поводу провалов серьёзности, последовательности и неотвратимости

Способность смеяться мы постоянно тренируем. Аристотель считал, что ответственная за способность к смеху часть души как бы накапливает соответствующий аффект, который нуждается в разрешении, так что для поддержания души в должном равновесии периодически смеяться необходимо. Мы, собственно, так и делаем, и культивируем способность к смеху на любых мелких провалах мелких носителей мелкой же серьёзности, – тем более, если она подражательна. Когда в наших стремлениях к власти, славе, богатству, удовольствиям и пр. мы чем-то очарованы, обольщены, на что-то сильно надеемся, чему-то беззаветно предаёмся, о чём-то напряжённо заботимся, мы рискуем оказаться смешными в двух случаях. Во-первых, когда поставили себе бессмысленную цель, во-вторых, когда добиваемся той или иной цели, – хороша она или плоха, – нелепым образом, т. е., будучи в аффекте, перестаём как следует думать. В силу незначительности материала повседневного смешного, объектами осмеяния оказываются сами серьёзность, последовательность и неотвратимость как необходимые черты любого зла, в том числе, проявляющегося и в хороших делах, когда теряется адекватность. В самом простом и невинном виде эта схема воспроизводится в комедии положений. Например, изящно одетый джентльмен, зажав в зубах букет цветов, лезет по стене дома, намереваясь проникнуть в окно комнаты некой дамы, которая, устремляется ему навстречу (одета изящно, лицом выражает трепет и восторг) и стремительно распахивает окно, – как назло наружу, так что рама ударяет джентльмена по лбу, он с криком и ругательствами падает в розовый куст, затем также с криком выскакивает оттуда и, дежась за мягкие места организма, бежит к пруду. Финальная сцена являет джентльмена с кувшинкой на голове в окружении уток и с умиротворённым выражением лица. «Почему это смешно?» – спросит «серьёзный» человек. Ответ на этот вопрос даст и самый суровый моралист: описанная ситуация представляет собой пример потери персонажами достоинства под влиянием чувственных аффектов, внушивших им ничем не оправданную надежду на то, что предосудительное дело (иначе, почему было бы не войти в дверь) завершится успехом. Зло здесь не великое, и потерпело неудачу как оно само, так и усилия по его реализации, так что один зритель рад этому по соображениям моральным, а другой смеётся, даже если моральная сторона его не интересует, – смешным оказывается крах последовательных усилий одной стороны вследствие встречных усилий другой. Можно сочувствовать герою и героине, и тогда смешна не их неудача, но неудача овладевших ими аффектов, которые оцениваются как вредные, ибо способны сделать человека недалёковидным, самонадеянным, туповатым и пр. Комедию положений можно объявить несмешной, если само чувство превосходства над неудачей или вообще любое чувство превосходства рассматривается как предосудительное. Для этого требуется суровая моральная доктрина, ставящая человека как такового на очень низкую ступень лестницы достоинств, находясь на которой ты будешь считать страдания, провалы и неудачи нормальным положением вещей и не будешь считать себя вправе чаять чего-то иного. Такое мировоззрение не способно сделать нас лучше или счастливее, но хорошо приуготовляет нас к покорности любому

вышестоящему, – божества это, силы природы и истории, или же просто какие-то другие, более лучшего сорта люди, – господа и начальники.

3. Смех как протест и борьба

Значимость смеха достигает максимума, когда смешное по форме (эстетически) воспроизводится не в имитации, т. е. в воображаемом мире произведения искусства, игры или хотя бы анекдота, а в реальности, да ещё тогда, когда неудачу терпят могучие государства, силы, авторитетные и солидные персоны со значительными фигурами и выражениями лиц, когда проваливаются долго вынашиваемые амбициозные планы, оказываются пустым звуком грозные намерения, опровергаются всеобщие и радикальные идеи, отбрасываются претендующие на абсолютность нормы и ценности. «О ужас! Всё перечисленное так величественно, возвышенно, серьёзно и последовательно, а также дорого стоит в материальном и моральном аспектах, а какие-то безобразники вздумали осмеивать! По какому праву?!» Смех, безусловно, – это типичная «гибридная» форма протеста, борьбы, подрыва, дискредитации, но объектом смеха становится не подлинно великое, истинное, ценное и возвышенное, а мнимое, фальшивое, то, чем нас пытаются обмануть, чтобы возыметь над нами власть. Право смеяться равнозначно праву не признавать власть того, над чем смеёшься. Это простое уравнение легко объясняет раздражение властителей и усердие активистов-чрезвычайщиков, зарабатывающих бонусы шумом и суетой по спасению «духовных» основ того или иного режима. И здесь же мы можем провести совершенно ясное различие между тем, что в фильме, рассказе, карикатуре или анекдоте осмеивается, а что – нет. Способ простой, – ищем ту силу, которая пытается установить над нами контроль и которая, поэтому, осмеивается и вследствие смеха сдувается. В знаменитых карикатурах «Charlie Hebdo» в такой роли находятся вовсе не сакральные фигуры и силы, в существование которых карикатуристы не верят, а вполне реальные вожаки радикальных религиозных групп. Там, где в самом неприличном виде изображены политики, подрываются не их роль и значимость, каким бы они ни были, а нарратив масс-медиа, навязчивая картинка и навязчивые обороты языка, придающие политикам, – людям, обычно, заурядным, – характер автономной и доминирующей реальности каких-то небожителей. Вызвавший много шума плакат, изображавший мёртвого ребёнка из семьи беженцев, пытавшихся пересечь Средиземное море, чтобы достичь Италии, и ставших жертвами шторма, обличает беспечность и бестолковость властей, но никак не несчастных беженцев. Такой же подтекст имеют и рисунки, выпущенные в связи с гибелью в Египте российского самолёта в конце октября 2015 года. Они не имеют ничего общего ни с глумлением, ни с кощунством, но очень доходчиво сообщают мысль о том, что вот, ты жил себе поживал, а потом вдруг тебя взрывают на пути с курорта домой, потому что жизнь твоя оказалась разменной монетой в политических авантюрах. Понятно, впрочем, что адекватное понимание текстов, фильмов, картинок, оперных и балетных спектаклей или же шуток и анекдотов не востребовано пропагандистами и активистами. Они – орудия явной в современной России холодной гражданской войны, и цель их деятельности состоит во возвращении реваншистских настроений и нетерпимости, в манипулировании ложным сознанием сограждан, отягощённым постсоветским синдромом. Не нужно, поэтому, удивляться, что Лев Толстой и Вася Ложкин вместе попадают в экстремисты, хотя Толстой и в самом деле экстремист (да ещё какой, взять хотя бы его статьи о патриотизме!), да ухватить его никак нельзя, а Вася

Ложкин, всё-таки, нет.

4. Радикальный смех в стране победившего цинизма

Когда активиста-чрезвычайщика – спасителя «духовности», а на самом деле вруна, циника и прагматика публично крючит от карикатур «Charlie Hebdo», картин Ложкина или Копейкина, стихов Иртенева или статей Толстого (да и много ещё от чего, – всего не перечислить), это он по системе Станиславского воплощает в себе советский официоз. А откуда же ещё взяться этой «духовности»? Именно там, в советском времени закономерно находим мы и наибольшее многообразие изводов смешного, взять хотя бы жемчужину советского фольклора – анекдот, или, например, так называемые страшилки. Они обеспечивали повседневное культивирование социально значимого смеха, и, взяв любую подборку произведений этих жанров, можно сразу увидеть, что снижению и профанированию подвергались все без исключения официально насаждаемые ценности, а заодно с ними и все ценности вообще, включая, опять-таки, – «О ужас!», – детей, – не только бывших любимыми персонажами как раз страшилок, но и с великим удовольствием их цитировавших. Но не октябрята под трамваем, и не пенсионеры на конкурсе знатоков, и не Чапаев, и не Штирлиц, и не «армянское радио», и не чукчи, и не гаишники, и не евреи, и не умирающие, провозглашающие последнюю волю, и не Вовочка были объектами смеха, а, как можно догадаться, лживость, ханжество, жестокость и неменяемость советского режима, гугнивый и тупой дискурс его вездесущей пропаганды. Советская система «воспитания» нового человека в полном соответствии с наблюдениями Джорджа Оруэлла имела своей целью привитие гражданам взглядов абсолютно подвижных, которые могли бы быстро меняться даже на противоположные, но не были бы при этом сознательной имитацией лояльности. Последнее обстоятельство, понятное дело, не могло быть реализовано, а потому демонстрация искренности убеждений, чувств и рвения превратилась в отдельный жанр, в наиболее совершенных своих проявлениях похожий одновременно и на пророчествование, и на кликушество. Эта коллективная имитационная практика легко развалилась в ходе Славной Перестройки, – самого светлого периода отечественной истории, – когда перестала поддерживаться силовым ресурсом. На всех этапах советской жизни мера дозволенного наверху превосходила меру дозволенного внизу, причём не столько в отношении к материальным благам, сколько в градусе цинизма и релятивизма. Эти прикрытые дискурсивно качества представителей средних и высших слоёв тоталитарного общества задавали чёткий ориентир большинству, так что все и всяческие ценности воспринимались лишь как инструмент контроля и подавления, возможность пользоваться которым была элементом власти на любом уровне и в любых отношениях. Проистекающее отсюда трезвомыслие было полезным там и тогда, когда на его основе представлялась возможность встроить кооперацию, взаимодействие и вести игру с положительной суммой, но социальный уклад нашей страны ещё со старого режима выглядит как пирамида, в которой каждый следующий слой кормится за счёт эксплуатации предыдущего, удерживая его в таком положении путём принуждения, а не в силу выгод от взаимодействия. В этой ситуации трезвомыслие и обращается в цинизм, культивировать который требуется для поддержания стабильности конструкции. Именно поэтому советский режим обожал фальшивки и вовсе их не стеснялся. Число таковых необозримо. Обнаружив непорядок в истории с 28 панфиловцами, всякий поневоле задумается о 26

бакинских комиссарах. Священно-конфетный символ коммунистов – крейсер «Аврора» существует сегодня уже в виде третьего муляжа: один соорудили давно для съёмок фильма, второй сварили к 70-летию «Октября», третий – сделали совсем недавно, орудия же, включая «легендарное», не имеют к «Авроре» отношения, взяты с другого корабля. По аналогии с «Авророй» легко можно догадаться, что экспонируется в Мавзолее. А в том самом 1937-ом взялись отмечать столетие гибели Пушкина и создали пушкинский официоз (Зощенко откликнулся на торжества знаменитыми «пушкинскими речами», которые надо перечитывать к каждой подобной дате), успешно существующий по сей день и оперирующий фальшивками не хуже некогда процветавшей системы музеев Ленина. В пушкинском заповеднике «Михайловское», соответствующим образом воспетом Довлатовым, нет ни одной подлинной постройки, и, как с гордостью уверяют, ровно один предмет, имеющий отношение к дому поэта. Это я назвал первое, что пришло в голову. Нужно ли продолжать перечисление фальшивок, фальсификаций, имитаций, подлогов, приписок? Оставила ли после себя советская власть вообще хоть что-то, чему можно верить? Думаю, что только если по недосмотру. Современная Россия как страна победившего цинизма в этом отношении оказывается лишь тенью СССР, поэтому и смех у нас тот же, и попытки охранителей с ним бороться те же.

5. Провалы одних и несчастья других: смешное в чудовищном

«Но как же можно смеяться над советским режимом, зная о страданиях и мучениях его жертв, понимая пустоту и бессмысленность его целей, жестокость и идиотизм средств, цинизм его агентов, наконец, помня о его крахе и конвульсиях?» В самом деле, уместен ли вообще смех по поводу вещей, непосредственно связанных с горем, несчастьем, мучениями, нет ли в таком смехе чего-то неестественного? Будут ли смешными ситуации из комедии положений, если персонаж гибнет? Упомянувшийся выше джентльмен падает в розовый куст и ломает себе при этом шею, – комедия превращается в трагедию. Собственно, в реальности так и бывает, – сначала события развиваются бодро и весело, а затем всё, вдруг, меняется, и мы уже исполнены горя, страха и ужаса. Если смех возникает как реакция на исчезновение опасности и избегание зла, то это значит, что опасность должна быть реальной, зло близким, плохой исход вероятным, так что уже эстетический закон смеха требует близости зла к бытию. Но чтобы всегда и везде смеяться над рухнувшими планами, несбывшимися надеждами, тщетными усилиями и не обращать внимания на сопутствующие им несчастья, требуется занять особую позицию. Она предполагает личное равнодушие к различию между добром и злом, способность не обольщаться никакими надеждами, и не иметь никакого сочувствия к другим людям, считая их существами более низкой природы, нежели ты сам. В европейской культуре это близко, с одной стороны, к установке романтической иронии, для которой почти ничто человеческое не заслуживает внимания, а с другой стороны, к классической позиции господина. Остролов Мефистофель, придуманный Гёте, смеётся над почтенным учёным Фаустом, смешивая первое и второе, что составляет «дьявольский» смех, которым можно смеяться над народами, государствами, эпохами, человеком вообще и человечеством в целом. Смех цинический такого же рода, и за господами его воспроизводят простолюдины, за элитами – массы, за родителями – дети. Как говорил Аристотель, остроумие есть отшлифованное высокомерие. Советские люди и нынешние россияне не уставали и не устают

упражняться в унижении друг друга, находя в том занятии бесконечный источник удовольствия. Кажется, поэтому, что смех по поводу вещей, сопряжённых с горем и несчастьями, либо высокомерен, и, значит, оскорбителен и аморален, либо просто невозможен. Остаётся единственная возможность – обличительная ирония в толстовском стиле. Мы помним, что Толстой полон такой иронии, например, по отношению к культуре Наполеона и в целом к идее «героя истории» (оставим в стороне иные социальные явления, которые убедительно разоблачал Лев Николаевич), и для него точкой отсчёта является не финальный крах Наполеона, а страдания его жертв, как тех, кто обманулись мифом о великом человеке, так и других, которые ни о чём подобном и не слышали. Такая ирония высмеивает разве что мелочи, но ей чужда как комедия положений, так и «дьявольский» смех романтика, поскольку в обоих случаях требуется на время забыть о трагических следствиях провалов и неудач. Художественный метод, позволяющий увидеть в чудовищном именно смешное, оставив обличение в стороне, состоит в том, чтобы в число жертв на наших глазах попадали сами агенты зла, неудачи которого в связи с этим и становятся объектом смеха. Так построена гениальная эпопея Гашека о похождениях Швейка, а применительно к сталинскому миру это сделал Владимир Войнович в своём, на мой взгляд, недооценённом романе о солдате Чонкине.

6. Историческая комедия положения стран и народов: почему обиден фильм Ианнуччи

И вот какой-то заграничный Ианнуччи вздумал посмеяться над «нашим всем» (которое, заметим, не Пушкин) сегодняшнего дня? Сразу скажу, что это не так. Фильм «Смерть Сталина» снят в стилистике комикса, – это напрямую связано с историей его создания, – в нём есть элементы комедии положений, комедии нравов и чёрной комедии, присутствует немного сатиры и чуть-чуть обличительного пафоса. Если задача комикса компактно и наглядно представить любой сюжет, слегка его упрощая, придавая больше определённости неопределённому, оставляя в стороне мелочи и т. д., то фильм с такой задачей справляется. Иными словами, он одной фразой отвечает на вопрос, как умер Сталин, и что случилось сразу после его смерти. Не стоит обижаться на краткость и простоту ответа. Освещение темы в сколько-нибудь полном объёме потребовало бы совсем иного хронометража и иной широты взгляда. Иногда именно частный взгляд и узкий жанр оказываются, поэтому, предпочтительными. Фильму-комиксу Ианнуччи предшествует гениальный фильм-гротеск Алексея Германа «Хрусталёв, машину!», посвящённый отчасти тем же обстоятельствам. В целом же XX век стал историей, и чем дальше он уходит от нас, тем всё более короткими фразами мы (обыватели, а не профессиональные историки, конечно) будем о нём вспоминать. Жертвы катастроф XX века тоже уходят в прошлое, и спустя какое-то количество лет люди будут вспоминать о них без ощущения личного горя утраты, т. е. так, как сегодня мы вспоминаем о жертвах крестовых походов, монгольского нашествия или завоевания Америки. В этом нет несправедливости, нас сегодняшних однажды постигнет та же участь частичного или полного забвения. Но не забвение жертв могут выставить Сталина и сталинизм смешными по общему правилу смеха. Для этого нужна смена угла зрения, когда уже сама история превращается в комедию положений, которую разыгрывают народы, государства и их вожди. И нам приходится смириться с тем, что история XX века и, в частности, советского тоталитаризма, уже стала такого рода комедией, хотя россияне всё никак не могут расстаться с прошлым. И в этом

масштабе Сталин и сталинизм смешны там и тогда, когда терпят крах, но не тогда, когда торжествуют. Так Сталин смешон, когда углубляется в вопросы биологии и языкознания, хотя нам известно, к чему это привело в случае биологии (наведение порядка в языкознании прошло относительно мирно), он смешон в своей патологической подозрительности, уничтожая накануне войны элиту армии и разведки, хотя понимаем, к каким последствиям это привело, он смешон в начале войны, обведённый Гитлером вокруг пальца, хотя мы знаем масштабы катастрофы, постигшей страну. В фильме Ианнуччи, однако, такого рода деталей нет, Сталин не изображён смешным вовсе, поскольку из жизни он ушёл победителем, будучи одним из немногих, кто реализовал сверхзадачу всякого диктатора, состоящую в том, чтобы умереть своей смертью, да так, чтобы к тебе к мёртвому боялись подходить соратники. Сталина нелегко также высмеять и в исторической комедии положений стран и народов. Будущее за горизонтом его собственной жизни Сталина, похоже, вообще не интересовало. Его нельзя назвать коммунистом, так как он не интересовался социальной теорией, не ставил задач социального преобразования, а партию как партию уничтожил. Не был он и государственным, – он не создал государства как саморегулируемого института, система его власти была персональной, основывалась на государственном терроре, а порядок отбор в элиту был отрицательным. Вследствие этого сразу же после смерти Сталина советский режим начал деградировать и, хотя и продержался ещё почти 40 лет усилиями следующих поколений вождей и карателей, сохраниться он не мог. Нельзя назвать Сталина также и строителем империи: кроме «сапога» предложить завоёванным народам было нечего. Получается, что Сталин ускользнул от высмеивания, потому что в общем и целом он ни во что не верил, ничего не ждал, ничем не обольщался, планов за пределами своей жизни не строил, никого не любил, никому не сочувствовал, никого не хотел осчастливить, и при этом достиг всего того, к чему стремился, а именно, быть диктатором и умереть диктатором, – не более и не менее. Последователи, подражатели и обожатели Сталина смешны, поскольку обречены на провал с самого начала, сам же он стратегией своей жизни перехитрил и смех.

В исторической комедии положений стран и народов сталинизм и коммунизм оказываются смешны, потому что провалились, несмотря на жестокость, серьёзность, последовательность и неотвратимость. Но, увы, смех здесь направлен не сколько на вождей – Ленина, Сталина, Хрущёва, участников гонок на лафетах или Зюганова, но и на всю «новую историческую общность, – многонациональный советский народ», которому можно было бы посочувствовать как жертве, если бы, он не взрастил в себе описанный выше тотальный цинизм, не увлёкся бы игрой в самоунижение, и уже в наше время, когда нет старых опасностей и можно действовать, опираясь хотя бы на здравый смысл, не нашёл бы себе нового пожизненного правителя из чекистов, новое политбюро из них же, а заодно – полк пламенных пропагандистов и активистов-чрезвычайщиков по линии «духовности» в штатском. Действительно, самым обидным образом смеётся над «дорогими россиянами» Ианнуччи, показывая одной фразой незамысловатую кухню режима, вера в величие которого могла бы как-то оправдать его жестокое безумие и придать смысл пустоте и бессмысленности его существования. «Неужели все жертвы принесены зря, напрасно, впустую, в погоне за ложной целью и вследствие использования негодных средств?» Ответ на этот вопрос давно очевиден и все в нынешней России знают его, что самым явным образом продемонстрировала реакция активистов на появление фильма «Смерть Сталина»: запрещают и

скрывают именно то, что понято как несущее опасность. Чему? Это может показаться нелепостью, но это трудно отрицать: политический режим современной России ищет в сталинизме свою легитимность.

7. «Пёс возвращается на свою блевотину, и вымытая свинья идёт валяться в грязи»: и это тоже смешно

Постсоветский синдром – аналог веймарского начали успешно эксплуатировать с 1999 года в рамках предложенной элитам легенды, согласно которой «народ» хочет вновь обрести равновесие и достоинство, повреждённые распадом старой системы, «встать с колен», укрепить расшатанное государство, и потому целесообразна смена дискурса с либерально-демократического на консервативно-государственнический вместе с уместными реминисценциями достижений советского прошлого и в рамках идеи посмертного примирения всех патриотических сил, ведших борьбу между собой в прошедшем веке. Давалось понять, что так будет задан лишь общий идеологический тренд, что не будет нелепых крайностей, что во главу угла ставятся прагматизм и эффективность. Эта версия «управляемой реакции» оказалась приемлемой для всех элит страны. Лишь самые недоверчивые наблюдатели продолжали обращать внимание не на слова, а на личности, эти слова произносящие. Надо отдать должное этим немногим трезвым людям, в первых рядах которых были политолог Андрей Пионтковский и покойная Валерия Новодворская. Они не поверили в описанной легенде ни единому слову, и было очень интересно наблюдать, как год за годом к их всегда неизменным по своим основаниям комментариям и оценкам приближаются комментарии и оценки медленно трезвеющей публики. Саморазоблачение нынешнего режима прошло известный путь, поворотный пункт которого – это март 2014 года, а путеводная звезда – откровения господина Шевкунова относительно ритуального характера убийства революционерами-евреями царской семьи. Теперь хорошо видно, что не просто сталинщина сидела и сидит, оказывается, в мозгах, а ещё, вдобавок к ней, и такое экзотическое чудо как государственный антисемитизм, представленный фальшивкой царской охраны, подвёрстанной к фальшивкам советским, видимо, по случаю посмертного примирения всех со всеми. Это какое-то новое и невиданное ранее состояние сознания, объяснимое, наверное, только психоанализом, – люди знают, что имеют дело с провокационной фальшивкой, но сами начинают в неё верить. Легенда об управляемой реакции не была легендой, это была сильно облегчённая версия символа веры, все детали которого открыто звучат сегодня в речах пропагандистов.

Интересно, что тему ритуального убийства быстро куда-то задвинули, как, впрочем, предпочитают умеренно афишировать и симпатии к сталинизму. И это хорошо, – значит, понимают, что значит быть смешным, и стараются этого избежать. Есть ли вообще у нынешнего российского режима, у общества шанс не оказаться смешными? Боюсь, что заботиться об этом уже поздно. На счету ельцинского и путинского режимов много чего плохого, и, полагаю, нынешний режим много чего себе ещё прибавит. Но ничего поражающего воображение не будет. Наоборот, «провинциализм и мелкотравчатость» – вот наш масштаб. Поставят ещё памятники Ивану Грозному, Сталину, повесят портреты Андропова, вернут на Лубянку памятник Дзержинскому, – делов-то. А дальше – сугубая стабильность: «региональная держава» третьего мира, криминализированный «нерукопожатный»

режим, десятилетия экономического застоя, пожизненный правитель и такой же преемник, пропаганда, запреты, цензура, утекающие «мозги» и т. д. В общем и целом, – добровольная изоляция от прогресса и добровольное превращение в заповедник нравов.

Нынешний российский режим был обречён на провал, а потому смешон уже в первый день своего существования. Он не только не был режимом развития, хотя и пытался им притворяться, но не смог быть даже просто прагматичным. Всё потонуло в тумане фантазий, мечтаний, комплексов, обид, мифов и фальшивок, так что движущей силой происходящего оказались ровно те самые аффекты, которые лишают адекватности и потому высмеиваются как человеческой, так и исторической комедией положений. Судя по реакции на фильм Ианнуччи, россияне прекрасно понимают, как легко можно поднять их на смех – по одному и всех вместе. Это им очень обидно, а ещё обиднее, что, согласно доминирующему мнению, сделать ничего нельзя и остаётся только ждать общего и позорного провала. Сколько ждать, – не вполне понятно, поскольку мы не понимаем до конца, в чём провал будет состоять – так всегда бывает, когда готовишься к войнам прошлого столетия. Жить же с достоинством и уметь убедительно объяснить своим детям и внукам, что ты молодец, надо прямо сейчас, вследствие чего общество озабочено проблемой сохранения лица. У меня нет сомнений в том, что в коллективной имитации выборов 18 марта совершенно добровольно примет участие огромное число людей, совершенно при этом не имеющих в виду, что участвуют в действительных выборах, но готовых, если что, горячо в этом уверять: как в советском анекдоте, где поезд стоит, но надо трясти вагон и делать вид, что он едет. Борьба со смехом – с фильмами, с текстами, с картинками только начинается и будет иметь результат, прямо противоположный заявленному.

Автор: философ, в недалёком прошлом – приглашённый преподаватель Европейского университета в Санкт-Петербурге